

ОБРАЗ “ДРУГОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ” В ЛИРИКЕ А. БЛОКА

У центрі статті – питання про способи і засоби створення образу “іншої дійсності” у поезії символізму. Ця проблема розглянута на матеріалі творчості О. Блока, для якої характерний структурно чіткий, майже відчутний художній образ “іншого світу”. Увага зосереджена на словах з префіксами без- і не-, що утворюють групи найменувань, віднесених до цього образу-міфу.

Ключові слова: Прекрасна Дама, “інша дійсність”, неземний, містика, знак, “двосвіт”, функція, тайна, натяк, символ.

Мистический образ “другой действительности” естествен в поэзии символизма, так как он прямо связан с его философскими основами – идеей платоновского двоemiрия и панэстетизмом. Суть двоemiрия состоит, как известно, в утверждении, что все видимое не есть сущность, а только знаки этой сущности, а сама она от нас скрыта и, значит, непознаваема. Платон и Кант – эти два философа оказали большое влияние на символистов. Но символисты (вслед за В. Соловьевым) отвергали кантовский агностицизм, а вместе с ним и логическое познание. Они считали, что иными путями надо идти к истине, к тайнам бытия, т.е. к познанию “другой”, настоящей действительности. Эти пути они видели в искусстве. Познание мира через искусство, через красоту – это и есть панэстетизм. (Ср. утверждение В. Соловьева о том, что мир спасет Красота).

Философская идеалистическая основа символизма не осталась “за кадром” его поэзии – она вошла в него в форме художественного образа “другой действительности”. Философские основы символизма достаточно глубоко и подробно освещены в литературоведческих исследованиях В.М. Жирмунского [3], В.Н. Орлова [5], З.Г. Минц [4] и др.

Образу “другой действительности” отдали дань все символисты. Но наиболее ярко этот образ воплощен Блоком.

Цель данной статьи – показать, что в текстах стихов Блока нет ничего случайного, все “работает” на основную идею. В данном случае речь идет о роли одной группы слов, выделенных по чисто лингвистическому критерию, в создании образа “другой действительности”.

Для ранней лирики Ал. Блока образ “другой действительности” значим, существен. В первом томе стихов (циклы “Стихи о Прекрасной Даме” и “Распутья”) Блок создал структурно четкий, почти осязаемый художественный образ “иногo мира”, используя для этого языковые единицы разных уровней, смежных со словарным, т.е. слова, фразеологизмы, особые словообразовательные средства. Словарь “другой действительности” в ранних циклах Блока довольно объемен. В него входят слова *грань, стена, знак, намек, печать, стук, шорох, ропот, скрипы, упрек, призыв, вести, виденье, тень, свиданье, встреча, лазурь* и др. и устойчивые словосочетания *делать знаки, условный знак, тайный знак* и др.:

*Беспокойно я брожу по зале...
В этих окнах есть намек.
Эти двери мне всю ночь бросали
Скрипы, тени, может быть, упрек?* [1, 292]

*Сегодня жду моих гостей,
И дрогну, и сжимаю руки.
Давно мне не было вестей,
Но были шорохи и стук.* [1, 219]

*Среди гостей ходил я в черном фраке,
Я руки жал, я, улыбаясь, знал:
Пробьют часы. Мне будут делать знаки.
Поймут, что я кого-то увидал.* [1, 307]

Большую роль в создании образа “другой действительности” в лирике Блока играют устойчивые словосочетания с прилагательными *иной, дальний, чуждый, таинственный, новый*. Ср.: *дальний* – страна, миры, путь; *иной* – мир, миры, дали, страны, времена, новоселье, тьма, пустота; *таинственный* – приют, страны. Ср.:

*Тебя в страны чужие звали,
Ты собралась в дальний путь.* [1, 105]

Мощным средством создания образа “другой действительности” является высокий стиль, весь его лингвистический арсенал. О знаменитом цикле “Стихи о Прекрасной Даме” А. Блок сам

отмечал впоследствии, что этот цикл и вся первая книга стихов отразили “однострунность души” их автора. Эта “однострунность” на лингвистическом уровне выразилась в почти абсолютной одностильности “Стихов о Прекрасной Даме”, в их общем книжно-мистическом характере. В. Орлов назвал “Стихи о Прекрасной Даме” “стихотворным молитвенником”. Высокий стиль этого цикла обусловлен как поклонением Прекрасной даме, так и необходимостью отразить мир “второй действительности”, где эта Дама обитает.

Наиболее ярким средством создания образа “другой действительности” у раннего Блока стали словообразовательные приставки **без-** и **не-**, с помощью которых был создан ряд наименований, отнесенных к этому образу-мифу: *нездешний, неземной, невозможный, непостижный, несказанный, неизреченный, неизбежный, бессмертный, бесконечный, бездонный, безмолвный* и т.п., всего около 400 употреблений в первом томе.

Лингвистические средства выражения логико-семантической категории отрицания, использованные А. Блоком в поэтических текстах, весьма разнообразны и могли бы явиться предметом специального рассмотрения. Здесь для анализа берутся лишь производные слова с префиксами **без-** и **не-** как единицы высокочастотные, составляющие существенную часть словаря всех циклов первого тома лирики Блока:

*Затянут в бездну гибели сердечной,
Я – равнодушный серый нелюдим...
Толпа кричит – я хладен бесконечно,
Толпа зовет – я нем и недвижим!*

[1, 18, “Ante lucem”]

*Покидай бессилье мирозданья,
Твой покой теперь нарушим
Предо мною – грань богопознанья,
Неизбежный сумрак, черный дым.*

[1, 129, “Стихи о Прекрасной Даме”]

*Ты обманут неизвестным:
За священные мечты
Невозможно бестелесным
Открывать свои черты.
Углубись еще бесстрастней
В сумрак духа своего...*

[1, 245, “Распутья”]

Без преувеличения можно сказать, что в основных циклах первого тома стихотворения, не содержащие отрицания **без-** или **не-** единичны. Насыщенность текстов словообразовательными конструкциями со значением отрицания определяется следующими цифрами:

Цикл “Ante lucem” – 87 словоупотреблений на 70 страниц текста: *безумный, беззаботный, безобразный, бездушный, бестелесный, несчастный, бесстрастный, бездна, безверье* и др.; *нестройный, неземной, неизменный, невинный, нетленный, неизвестный, неисчисленный, немеркнувший* и т.п.

Цикл “Стихи о Прекрасной Даме” – 212 словоупотреблений на 152 страницы: *безнадежный, безумный, бездонный, бесконечный, безысходный, бессмертный, безмятежный; невнятный, неведомый, нездешний, неземной, несказанный, непостижный, незримый* и т.п.

Цикл “Распутья” – 94 словоупотребления на 82 страницы текста: *беспечальный, бездонный, безумный, бессмертный, бессонный, бесконечный, безначальный; небывалый, неслышанный, невозможный, незримый, непробудный, несчастный, непомерность, невидимка, неволя* и др.

Функция, значение и значимость этого большого пласта единиц словаря даже в пределах первого тома не остаются одинаковыми.

Употребление слов с отрицанием в цикле “Ante lucem” определяется тем обстоятельством, что “поэтическая картина мира ранней лирики только еще формируется: она фрагментарна и в целом традиционна” [4, 114]. Традиционность слов с префиксами **без-** и **не-** в цикле “Ante lucem” проявляется в двух планах: 1) их принадлежностью к традиционно-поэтической лексике и 2) их обычной, тоже традиционной, метафоричностью:

*Я обновлю мою любовь
Любовью ярче и нетленней . [1, 23]*

*Зачем, зачем во мрак небытия
Меня влекут судьбы удары? [1, 24]*

*Все о бессмертьи в сне далеком
Мечты мои. [1, 44]*

Для Блока, автора “Ante lucem”, мир еще не стал мифом, “творимой легендой”; мир не расчленился на “двоемирие”, при котором все реалии мира видимого есть лишь знаки, символы реалий мира иного, “второй действительности”. Отсюда отсутствие глобальной, усложненной символичности, сравнительная простота и традиционность метафор и отдельных символов (*НОЧЬ, ТЬМА, СВЕТ*), пока не складывающихся в миф, в четко организованную систему систем.

В цикле “Ante lucem” много таких слов со значением отрицания, которые позднее станут особо значимыми, значительными и многозначными. Но пока они лишены ореола мистичности, они принадлежат одной действительности и не являются знаками никакой другой:

*Во мне – неведомая страсть
Живым огнем небес согрета.* [1, 29]

Даже в текстах типа “*Не ты ли в дальнюю страну, В страну, неведомую ныне, Введешь меня...*” [1, 28] не следует искать указаний, намеков на “иную действительность” – их здесь нет.

Таким образом, значимость слов со значением отрицания в юношеском цикле Блока “Ante lucem” определяется во многом их частотностью и стилистической окраской романтичности, обусловленной самим духом отрицания. Романтическое нагнетание отрицания – вот основная функция словообразовательных конструкций с *без-* и *не-* в цикле “Ante lucem”: *непроглядная тьма* [1, 58], *безответное страданье* [1, 69], *необъятная сила* [1, 70], *безмерная надежда* [1, 69], *безжалостная ночь* [1, 12], *неисчислимый хаос* [1, 56], *немеркнувшее сиянье* [1, 46] и т.п.

Вместе с тем в стихах “Ante lucem” идет некая скрытая, но все более обнаруживающая себя к концу цикла тенденция к усложнению значения анализируемого типа слов. Поначалу это проявляется лишь в нагнетании слов определенной семантики: *неземной, неведомый, нетленный, невидимый, непонятный, непривычный, незримый, неуловимый, неизвестный, незаренный, невнятный, незнакомый*. Но вот читаем:

*Но к цели близится поэт,
Стремится, истиной влекомый,
И вдруг провидит новый свет,
За далью, прежде незнакомой...* [1, 43]

Итак, незнакомое, непонятное, неизвестное – осветилось, в более поздней терминологии – “озарилось”. Откуда озарение? – От знакомства с мистическими стихами Вл. Соловьева, их полное приятие. И вот уже “*Вечно-Юная прошла в незаренные туманы*” [1, 53], а вслед за ней в стихах Блока появляется основной атрибут мистических тайн – ЗНАК:

*Но, как в темнице узник заключенный,
Иду напрасно: кровь и мрак!
Лишь там, в черте ЗАРИ окровавленной
Таинственный, еще невнятный ЗНАК* [1, 55].

А. Блок – на пороге, ведущем в мир Прекрасной Дамы: “Следующий этап эволюции Блока, этап собственно символический, связан, как известно, с годами создания сборника “Стихи о Прекрасной Даме” (1901-1902). Смена домашних и книжных воздействий неясными, но мощными импульсами, идущими от раскаленной атмосферы предреволюционных лет; глубокое и исполненное драматизма чувство к Л.Д. Менделеевой; наконец, овладевшие всем существом поэта и художественно оформившие его эмоциональный порыв впечатления, идущие от мистической лирики Вл. Соловьева – все это резко изменило мир Блока, способствовало его художественному созреванию” [4, 115].

В цикле “Стихов о Прекрасной Даме” меняется функция слов с значением отрицания: они отражают “двоемирие” и дают оценку каждому из миров: зримый мир вещей отвергается, а незримый мир сущностей принимается как цель, мечта:

*И нам недолго любоваться
На эти, здешние, пиры:
Пред нами тайны обнажатся,
Возблещут дальние миры.* [1, 162]

Слова с *не-*, в “Ante lucem” выполнявшие лишь функцию усиления отрицания, теперь приобретают таинственный символический смысл, намекая на нечто “незримое очами” и доводя усиление отрицания до мистической ноты:

*Прозрачные, неведомые тени
К тебе плывут, и с ними Ты плывешь.
В объятия лазурных сновидений,
Невнятных нам, – Себя Ты отдаешь.* [1, 107]

Слово *невнятное*, уже в “Ante lucem” неслучайно определившее ЗНАК, становится заглавным для многочисленного ряда со значением “непознанный”, о чем свидетельствует субстантивированное употребление, переводящее его в самостоятельный символ:

*Мы дрожим мечтою единственной,
О, невнятное! Пред тобой.* [1, 153]

На частотность эпитета *невнятный* в лирике Блока обратил внимание еще в 1963 г. Н. Венгров [2, 110].

Адвербиальное употребление также способствует усилению символического значения данного слова: *Растут невнятно розовые тени...* [1, 156]; *Там сумерки невнятно трепетали, Таинственно сменяя день пустой...* [1, 175]; *Ты, как заря, невнятно догорала В его душе – и пела обо мне...* [1, 189].

Лирическому герою “Стихов о Прекрасной Даме”, стремящемуся позвать *невнятное*, т.е. достичь других миров, где царит Хранительница-Дева, твердящая невнятные для героя напевы [1, 230], иногда это удается:

*Но внятен сердцу был язык,
Неслышный уху – в отдаленьи
И в запоздалом умиленьи
Я возвратился и постиг.* [1, 96]

Синонимами *невнятного* в “Стихах о Прекрасной Даме” являются: *неясный, неизвестный, неведомый, незнакомый, небывалый, нездешний, несуществующий, невозможный, незримый*. Они уточняют, углубляют (в сугубо символистском понимании – посредством туманных намеков) изображение, определение “другого мира”:

*И этот лес, сомкнутый тесно,
И эти горные пути
Мешали слиться с неизвестным,
Твоей лазурью процвести.* [1, 102]

*Из сумрака зари – неведомые лики
Вещают жизни строй и вечности огни...* [1, 110]

Они знают, что мне неведомо... [1, 167]

Определения “другой действительности” складываются в некую многочленную, восходящую по признаку “нереальный” градацию, в которой за 1) *невнятным* и 2) *неизвестным* располагаются:

3) **нездешний:**

В сердце – надежды нездешние... [1, 119]
*Я, в тоске, покину на границе
Твой нездешний, твой небесный след.* [1, 129]

4) **неземной:**

*Вдруг расцвела, в лазури торжествую,
В иной дали и в неземных горах.* [1, 103]

5) **несуществующий:**

*Ужасен холод вечеров,
Их ветер, бьющийся в тревоге,
Несуществующих шагов
Тревожный шорох на дороге.* [1, 208]

*Я вышел в ночь – узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.* [1, 215]

6) **невозможный:**

*И мимо, задувая свечи,
Как некий Дух, закрыв лицо,
С надеждой невозможной встречи
Пройдет на милое крыльцо.* [1, 177]

*Вы все, рабы свободы невозможной,
Смутитесь здесь пред тайной без конца.* [1, 111].

7) **непостижный:**

*Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета,
Вижу очи Твои.* [1, 170]

*Но труден путь – шумит вода,
Чернеет лес, молчат поля...
Обетованная земля
Непостижимая звезда... [1, 116]*

8) Высшей ступенью градации следует считать компонент **несказанный** и его синоним **неизреченный**:

*Но владычицей вселенной,
Красотой неизреченной,
Я, случайный, бледный, тленный,
может быть, любим. [1, 164]*

*Мы помчимся к бездорожью,
В несказанный свет. [1, 169]*

*Будут страшны, будут несказанны
Неземные маски лиц... [1, 233]*

Большая группа слов с отрицающими приставками выполняет функцию названия признаков “другой действительности”. В “Стихах о Прекрасной Даме” Блок наделил эту “другую действительность” следующими признаками:

1) бессмертность:

*А здесь внизу, в пыли, в уничиженьи,
Узрев на миг бессмертные черты,
Безвестный раб, исполнен вдохновенья,
Тебя поэт. Его не знаешь Ты... [1, 107]*

*Он – без жизни стоит на дороге,
Я – навстречу, бессмертьем томим*

Но напрасны бессмертные силы... [1, 147]

2) бесконечность:

*Ты отходишь в сумрак алый,
В бесконечные круги. [1, 81]*

3) безысходность:

*Безысходно туманная – Ты
Предо мной затеваешь игру. [1, 186]*

*И, весь измучен, в исступленьи,
Я к миру возвращаюсь вновь
На безысходное мученье,
На безысходную любовь. [1, 188]*

4) бездонность:

*Но в день последний, в час бездонный,
Нарушив всяческий закон,
Он встанет, призрак беззаконный,
Зеркальной гладью отражен. [1, 211]*

5) бездорожность:

*И полны заветной дрожью
Долгожданных лет,
Мы помчимся к бездорожью
В несказанный свет. [1, 169]*

*Все дышавшее ложью
Отшатнулось, дрожа.
Предо мной – к бездорожью
Золотая межа. [1, 170]*

6) неподвижность:

*Когда святого забвения
Кругом недвижная тишь,
Ты смотришь в тихом томлении,
Речной раздвинув камыш. [1, 196]*

*Ты и в сумраке, милая, ближе
К неподвижному жизни ключу. [1, 130]*

7) **безмолвность:**

Были страшны безмолвные встречи... [1, 194]

8) **незримость:**

*Ранний час. В пути незрима
Разгорается мечта.
Плещут крылья серафима,
Высь прозрачна, даль светла. [1, 128]*

9) **неизбежность:**

*Там лицо укрывали
В разноцветную ложь.
Но в руке узнавали
неизбежную дрожь. [1, 210]*

Указанные признаки “иного мира”, выявленные лишь посредством привлечения слов с отрицающими приставками, очевидно распределяются на две группы. В первую входят бессмертие, бесконечность, безысходность, бездонность, бездорожность, отражающие **БЕЗГРАНИЧНОСТЬ** иного мира во времени и пространстве, вторую группу составляют неподвижность, безмолвность, незримость, свидетельствующие о том, что описываемый мир наделяется признаком **БЕЗЖИЗНЕННОСТИ** (отсутствия движения, звуков и зримых реалий). Теперь мы видим, что “другая действительность” в привычной для Блока манере характеризуется двумя **контрастными** чертами. Но для автора “Стихов о Прекрасной Даме” этот контраст не был резким, наоборот, он сглажен положительными коннотациями при описании “безжизненности”, которая трактуется как тишина, покой, безмятежность. Контрастными чертами наделяются и “обитатели” другого мира: Она, Ты, Призрак, Друг, Я и др.

*Спи без тревог. Тебя не разбудила
Моя мечта, мой безмятежный друг. [1, 199]*

Наивысший накал положительных коннотаций находим в контекстах героини цикла – безмолвной [1, 100], невозмутимой [1, 100], недоступной [1, 120], непостижной Девы-Звезды:

*Белая Ты, в глубинах несмутима,
В жизни – строга и гневна.
Тайно тревожна и тайно любима,
Дева, Заря, Купина. [1, 185]*

Мужские персонажи “другого мира” даются в ином стилистическом ключе. Лирический герой **Я** неподвижно прикован [1, 185], безмолвен, как призрак [1, 230] незрим:

*Мой голос глух, мой волос сед.
Черты до ужаса недвижны.
Со мной всю жизнь – один Завет:
Завет служенья **Непостижной**.
Я стерегу Ее ключи
И с ней присутствую, **незримый**,
Когда скрещаются мечи
За красоту **Недостижимой**. [1, 231]*

Для персонажей “Стихов о Прекрасной Даме” характерна еще одна черта – их “несвободность”, зависимость от “другой действительности”. Эта черта проистекает из того признака “другой действительности”, который выше был назван неизбежностью (обязательностью), непреложностью “иного мира”:

*Медленно в двери церковные
Шла Я, душой несвободная. [1, 133]*

*Не отличишь его в толпе народной
Не наградишь улыбкою его,
Когда вослед взирает, **несвободный**,
Вкусив на миг бессмертья Твоего. [1, 107]*

Но “несвободность” лирического героя есть для него положительный момент, ибо она означает его приобщенность к “другой действительности”, к миру Прекрасной дамы, а потому является истинной свободой. Свидетельством тому является следующий оксюморон:

*Я знал, задумчивый поэт,
Что ни один не ведал гений
Такой **свободы**, как обет
Моих **невольничьих Служений**. [1, 23]*

Приведенные материалы использования Блоком словообразовательных отрицательных конструкций еще раз выявляют и подчеркивают сложную, но четкую структурность цикла “Стихов о Прекрасной даме” и взаимообусловленность всех элементов текста, т.е. их системность.

В цикле “Распутья” сохраняется частотность производных слов с **без-** и **не-** как одного из элементов словаря и поэтики Блока-символиста:

Без конца – безначальная сказка. [1, 300]

Слова с **без-** и **не-** по-прежнему “обслуживают” мир Прекрасной дамы, сохраняющий в цикле “Распутья” свои основные черты:

*Там – бессмертной волей томима,
Может быть, призывала Сама...* [1, 305]

*То – заря бесконечного холода,
Что послала мне сладкий намек.* [1, 293]

Лирический герой **Я** вначале сохраняет черты безмолвности [1, 248], неподвижности [1, 239], незнания:

*Отворяются двери – там мерцанья,
И за ярким окошком – виденья,
Не знаю – и не скрою незнания...* [1, 272]

Мы – край неизвестных дорог... [1, 323]

Но небывалые думы [1, 241], невозможные сны [1, 292] лирического героя “Распутий” постепенно сменяются более активной позицией: сны и думы заменяются небывалым огнем [1, 279], мистическая “другая действительность” оказывается рядом и посылает герою свои знаки, призывы:

*Беспокойно я брожу по зале...
В этих окнах есть намек.
Эти двери мне всю ночь бросали
Скрипы, тени, может быть, упрек?...* [1, 292]

Но наряду с вышеприведенными текстами высокого мистического настроения, доходящего до экстаза, в “Распутьях” (потому цикл так и назван) появляются **иные**, прямо противоположные коннотации слов с **без-** и **не-**. Ср.

*Я, паяц, у блестящей лампы
Возникаю в открытый люк.
Это – бездна смотрит сквозь лампы –
Ненасытно-жадный паук.* [1, 322]

Тонкая, не бросающаяся в глаза ирония вкрадывается и в контексты Прекрасной Дамы:

*У дверей Несравненной Дамы
Я рыдал в плаще голубом,
И, шатаясь, вторил тот самый –
Незнакомец с бледным лицом.* [1, 263].

Таким образом, для “Распутий” характерна более глубокая контрастность в описании “другой действительности”: если в “Стихах о Прекрасной Даме” это был контраст признаков “другого мира” (бесконечность – безжизненность), то теперь контрастируют приятие “другого мира”, приобщение к нему и – начинающееся его отрицание. Во весь голос Блок скажет об этом во втором томе. Необходимо еще раз подчеркнуть, что в “Распутьях” логико-семантические контрасты начинают совмещаться со стилистическими и в эту стилистически сниженную струю попадают и слова с **без-** и **не-** (ср.: бездна – ненасытно-жадный паук).

Анализ значения и функции производных слов с отрицательными приставками показал их высокую значимость для символической системы первого тома лирики Ал. Блока, обнаружил их причастность к важнейшим мировоззренческим константам раннего творчества поэта. “В жизни символиста все – символ. *Не-символов нет*” [6, 259]. Но не стоит преувеличивать именно мировоззренческого характера этих идей. Да, Блок сполна использовал **терминологию** теорий двоемирия и панэстетизма – мистицизм оказался отличной формой для художественного приема возвышения Возлюбленной. Иначе как объяснить столь скорое появление иронического отношения к героине (Несравненная Дама) и ее рыцарю, рыдающему в голубом плаще, и категорическое заявление самого А. Блока в известном письме к А. Белому о том, что он – не мистик?

Список использованной литературы

1. Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. / А.А. Блок. – М.-Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1960-1963. – Т. 1. – 1960. – 715 с.

2. Венгров Н. Путь Александра Блока / Н. Венгров. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 416 с.
3. Жирмунский В.М. Преодолевшие символизм / В.М. Жирмунский // Русская мысль. – 1916. – № 12. – С. 25-56.
4. Минц З.Г. Блок и русский символизм / З.Г. Минц // Литературное наследство. А. Блок. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1980. – Т. 92, книга первая. – С. 98-172.
5. Орлов В.Н. Перепутья / В.Н. Орлов. – М. : Изд-во “Худож. лит.”, 1976. – 368 с.
6. Цветаева М.И. Сочинения: в 2 т. / М.И. Цветаева. – М. : Изд-во “Худож. лит.”, 1988. – Т. 2. – 640 с.

Summary. In this article a question of ways and methods of creating the “another reality” image in symbolist poetry was pointed. This problem was scrutinized on the materials of A. Block works, who created the structurally clear, almost tangible artistic image of “another world”. From all the means of creating this mythical image, only the words, which created those appellations’ lines with English equivalent of prefix -in, -un, and suffix -less has been scrutinized.

Key words: beautiful lady, “another reality”, unearthly, incomprehensible, mysticism, sign, “biuniverse”, function, secret, hint, symbol.

УДК 821.161.1-1.09

С.Д. Абрамович

СТИХОТВОРЕНИЕ М. ТИЛЛО “РЕНЕССАНС”: ИДЕЯ, ОБРАЗНАЯ СТРУКТУРА, СТИЛИСТИКА

Стаття присвячена дослідженню репрезентативного твору Марії Тилло, в якому зроблено сміливу спробу ліричної інтерпретації вузлових проблем буття людини та шляхів європейської культури.

Ключові слова: Ренесанс, титанізм, трагедійність, культура.

Актуальность темы обусловлена тем, что лиро-поэтическое наследие безвременно ушедшей из жизни молодой черновицкой поэтессы Марии Тилло на глазах получает общественное признание. Статья о ней помещена в “Википедии”, сборники ее стихов издавались в Черновцах и в Киеве. Память о поэтессе увенчана мемориальной доской, установленной на черновицком доме, где она жила. О поэзии М. Тилло одобрительно отзывались украинские мастера поэтического слова, зарубежные литераторы. Кроме того, изданы три объемных выпуска “Научно-поэтических Чтений памяти Марии Тилло” (К., 2007, 2208 и 2010 гг.). Поэзию М. Тилло исследовали известные ученые, среди которых – доктора филологических наук М. Михайлова (Москва, МГУ), Г. Якушева (Москва, Государственный институт русского языка), П. Михед (Киев, НАН Украины), Т. Пахарева (Киевский Национальный педуниверситет), М. Ткачук (Тернопольский педуниверситет), О. Николенко (Полтавский педуниверситет) и др.

Тем не менее, остается актуальной как задача генерализации всех этих исследований, так и необходимость дальнейшего углубленного исследования поэтического космоса М. Тилло.

Так, все исследователи единодушно подчеркивали философско-медитативный характер лирики М. Тилло [3; 4; 5; 6]. Но конкретный анализ одного стихотворения, в частности – данного, предпринимался только однажды, автором этого текста. Эта статья представляет собой переработку ранней публикации в одном из выпусков “Чтений”, посвященных памяти М. Тилло [см.: 2], с надлежащим углублением, особенно же справочно-научного аппарата.

Наше литературоведение имеет традицию монографического анализа одного стихотворения. Такой анализ позволяет достичь достаточной полноты и целостности в трактовке произведения.

И, чтобы уяснить духовно-философскую насыщенность поэзии М. Тилло, основные принципы создания ее образной системы, мы остановимся сейчас на одном из наиболее неповторимых ее произведений.

РЕНЕССАНС¹

Мы шли по лестнице небес,
Держа перила облаков
В своих трепещущих ладонях.
И растворяющийся день